

© В.А. Шнирельман

Галина Александровна Комарова: жизнь и судьба

Ключевые слова: Комарова Г.А., этнография, гендер, техногенная катастрофа, эмиграция, антропология академической жизни

Галина Александровна Комарова проработала в Институте этнографии АН СССР — Институте этнологии и антропологии РАН около 45 лет, сперва в секторе Прибалтики и Поволжья, затем в Центре по изучению межэтнических отношений. Начав с изучения детской проблематики и положения женщин в Чувашии, затем в переломные годы она много занималась межэтническими отношениями и миграционными процессами в республиках России и в новых постсоветских государствах (в странах Балтии и Южного Кавказа), после чего провела уникальные новаторские исследования этнокультурных последствий техногенной (радиационной) катастрофы на Южном Урале. Побывав за границей (в США, Японии, Израиле, Австрии и Финляндии), она стала признанным знатоком культуры и быта советских/российских эмигрантов. Тогда же она обогатила отечественную науку таким новым направлением как антропология академической жизни. Кроме того, она придавала большое значение междисциплинарным исследованиям. В приложении к статье публикуется стенограмма защиты докторской диссертации Г.А. Комаровой «Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала)», состоявшейся в ИЭА РАН 14 января 2003 г. (из личного архива автора).

Галина Александровна родилась 24 августа 1948 г. на далеком севере России — в г. Мончегорске Мурманской области, где со времен войны на вредном предприятии работала ее мать. Через год родилась ее сестра Надежда, но из-за неблагоприятной экологии девочки часто болели, и семья ненадолго переехала к брату отца в г. Бельцы (Молдавия), после чего вернулась на Русский Север, где жила бабушка (мать матери). Детство и отрочество Галины Александровны прошли на Вологодчине в русском селе Заборье, хотя детские путешествия сказались на ее отношении к жизни. Сверстники видели в ней «иностранку», и, имея несравненно более разнообразный социальный опыт, она чувствовала себя несколько другой. Возможно, именно молдавские воспоминания зародили в ней интерес к этнографии. В семье было пятеро детей, причем она была старшей и с детства привыкла заботиться о младших. Отсюда ее

Шнирельман Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований ИЭА РАН. e-mail: shnirv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8469-6583>

Для цитирования: Шнирельман В.А. Галина Александровна Комарова: жизнь и судьба // Антропологии/Anthropologies. 2026. № 1. С. 122–154, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/122-154>

дисциплинированность и неизменное чувство ответственности. Она всегда думала об окружающих и старалась им по мере сил помогать.

В школе она отличалась высокой успеваемостью, принимала активное участие во всех мероприятиях: в политинформациях, в самодеятельности, занималась спортом и выступала на районных соревнованиях за школьную команду по гимнастике. А по окончании школы она два года (с июля 1966 г. по август 1968 г.) работала там учительницей немецкого языка. С особым уважением и теплотой она вспоминала о своих школьных учителях. Назову лишь одного — директора школы Арсения Васильевича Меньшикова, человека необычайно образованного. У него был большой дом. Он выписывал все новинки — книги, журналы — и собрал огромную библиотеку. Галя дружила с его дочерьми, и он позволял ей пользоваться своей библиотекой. Поэтому она знала много больше, чем давала сельская школа.

В 1968 г. она решила поехать в Москву, где жила ее тетка, и поступила на исторический факультет МГУ. Мы с ней познакомились в 1969 г. на археологических раскопках в Крыму, где их курс проходил археологическую практику. Но ее увлекала этнография, причем ее интересовала прежде всего этнография родных мест, которую она хорошо себе представляла. Однако жизнь вносила свои коррективы. Получилось так, что Галя попала в группу с итальянским языком, хотя в школе изучала немецкий. Узнав об этом, Г.Е. Марков, который тогда был заведующим кафедрой этнографии, дал ей дипломную тему о кочевниках Сомали. Сам он был кочевниковедом, и ему хотелось включить в свою тематику итальянское Сомали, а других знатоков итальянского языка в его окружении не было.

К тому времени о кочевниках Галя уже кое-что знала, побывав в августе-сентябре 1971 г. в Туркмении в составе этнографического отряда под руководством Галины Петровны Васильевой (1920–2005). Вот отрывок из ее письма из Туркмении:

...не могу удержаться, чтобы не написать о том, что узнала лишь сегодня и что меня поразило. Еще в Ялкыме мы встретили девушку, которую звали Хрущев. Мне тогда этот факт показался забавным, но я думала, что он единственный и случайный. А сегодня нас познакомили с мужчиной, которого зовут Тарзан. Удивительно — туркмен по имени Тарзан! Оказывается, у туркмен нет не только отчества, но и фамилию они не наследуют, а имена выдумывают сами. Мы уже встретили людей, имена которых переводятся на русский язык как, например, Зайчик, Весна, Арык, Колхоз, Кочевник и даже Скряга и Лишний. И вообще все так интересно, так увлекательно, что не знаешь, чему отдать предпочтение (Из личного архива автора).

Но предпочтение определил Марков, и Гале пришлось защищать диплом по племенной организации сомалийских кочевников, что она с успехом и сделала в 1973 г.

По окончании МГУ в 1973 г. у нее начались сложности с работой. Мы тогда уже были женаты и имели сына. Но молодую женщину с маленьким ребенком никто на работу брать не хотел. Казалось бы, все было в ее пользу:

она была отличницей, русской, из села, членом КПСС, и тем не менее для поступления на работу по специальности этого было недостаточно. Нам помогло лишь то, что, узнав об этой ситуации, нам навстречу пошла Людмила Николаевна Терентьева (1910–1982), которая тогда была заместителем директора Института этнографии АН СССР и заведующим сектором Прибалтики и Поволжья. В 1975 г. она взяла Галя своим секретарем, и в течение нескольких лет Галя должна была сидеть перед ее кабинетом и принимать посетителей. Правда, это помогло ей хорошо узнать сотрудников Института, часто приходивших к Терентьевой с просьбами. Еще лучше она познакомилась с жизнью Института, когда в течение ряда лет выполняла обязанности секретаря партбюро. Возможно, отсюда и берет начало ее интерес к антропологии академической жизни, хитросплетения которой она хорошо знала.

Но более всего ее увлекала поэтика родных мест, и, став сотрудником Института, она начала свою научную работу с изучения своего родного края — среди ее первых работ были статьи по топонимике и свадебному обряду Кокшеньги (Комарова 1977; 1979). Для этого она завела переписку с местным краеведом А.А. Угрюмовым (1915–1995). Как сотрудник сектора Прибалтики и Поволжья, она должна была в 1980-х годах участвовать в многочисленных полевых исследованиях именно в этих регионах, где в полную силу проявила свой талант прекрасного полевого ученого. При этом она не забывала и о собственных научных интересах: в тот период ее особенно увлекала проблематика, связанная с семьей и детством.

Ее первая студенческая работа была посвящена воспитанию детей у абазин (Комарова 1972), у которых она побывала в августе-сентябре 1970 г. в составе студенческой экспедиции в Карачаево-Черкессии под руководством Е.Н. Даниловой (1939–2023). Позднее она с большим интересом познакомилась с серией этнографических книг о воспитании детей в разных регионах мира, вышедших под редакцией Игоря Семеновича Кона (1928–2011), и сама в 1980 г. опубликовала критический обзор исследований по «этнопедагогике» (Комарова 1980). Позже она гордилась тем, что сам Игорь Семенович тепло отозвался об этой ее работе и не раз ее цитировал.

В секторе Прибалтики и Поволжья Галя работала до конца 1980-х годов. В 1980-х годах она участвовала в этносоциологических исследованиях в Литве (1982), Калмыкии (1983), Марий-Эл (1984), Башкирии (1985) и Чувашии (1986–1988). В ее архиве сохранилось немало разнообразных материалов о семейных проблемах, о взаимоотношениях мужчин и женщин, о воспитании детей — брошюры, вырезки из газет и журналов, личные записи. Проводя плановые полевые исследования в Литве в апреле-июне 1982 г., она, помимо основной работы, собирала материалы о детских играх, надеясь позже вплотную заняться детской тематикой. Но руководитель сектора Прибалтики и Поволжья В. В. Пименов счел данное направление исследований неперспективным. А в качестве диссертационной темы предложил Гале заняться изучением положения чувашских женщин. Эту тему она и осваивала в ходе полевых исследований в Чувашии в 1986–1988 гг., и, как итог, прекрасно защитила в 1989 г. кандидатскую диссертацию «Современная чувашская женщина в семье и в обществе» (Комарова 1988а).

Рис. 1. Сотрудники сектора Прибалтики и Поволжья: Т.П. Федянович, М.Я. Устинова, Л.Х. Феоктистова, Г.А. Комарова. (Фото автора)

Галя подходила к теме очень широко, и в 1980-х годах у нее накопилось немало данных о жизни женщин в разных республиках СССР, прежде всего — в Поволжье. Тогда она публиковала как собственные статьи об этнокультурной роли фактора пола, так и рецензии на соответствующие публикации (Комарова 1985; 1987а; 1987б; 1988б; 1990; 1991а; 1991б). В середине 1980-х годов она с большим энтузиазмом взялась за тему брачных объявлений, фактически открыв ее для советских исследователей (Комарова 1987в; 1987г; 1988в; 1988г). В 1989–1991 гг. она выполняла обязанности ученого секретаря межсекторальной группы по изучению половозрастных проблем. В течение 1980-х и в начале 1990-х годов она несколько раз выступала с докладами по женской и в целом гендерной проблематике на различных конференциях, включая международные. Это было в те годы, когда никакого особого гендерного направления в отечественной науке еще не существовало.

Кроме того, в 1980-е годы был запущен амбициозный проект по картографированию элементов этнических культур, что должно было подтвердить положение теории этноса о наличии у каждого этноса своей своеобразной компактной этнической культуры. Галя принимала активное участие в этом исследовании, отвечая за организацию работы в Прибалтийском регионе. Тогда у нее сложились очень хорошие отношения с местными специалистами — этнографами и социологами.

В 1970–1980-е годы жизнь Института была многогранной и не сводилась лишь к научной работе. Сотрудники нередко проводили субботники, убирая улицы или работая на овощной базе. В Институте время от времени устраивали весёлые капустники и праздновали Новый год. Для этих мероприятий активно использовали театральные костюмы, подготовкой и распределением

которых с энтузиазмом занималась Зоя Александровна Листвинова. Во всем этом Галя принимала активное участие, состоя в театральной группе «Братья Джованни».

Но наступили тревожные времена. Начались межэтнические конфликты, переросшие в ряде регионов в настоящие кровопролитные войны, и возникла острая проблема беженцев. Для изучения бурных процессов, происходивших тогда в этнической сфере, в 1989 г. М.Н. Губогло (1938–2019) создал Центр по изучению межэтнических отношений (ЦИМО) и поручил Гале собирать соответствующие материалы как в ходе полевых исследований, так и по данным местных СМИ. Этим она и занималась в начале 1990-х годов, составляя «Хронику жизни национальностей» как базы данных для будущих исследователей. Кроме того, тогда она много ездила по разным республикам и новым постсоветским государствам, собирая коллективы авторов и работая с ними для выпуска сборников, где публиковались как всевозможные оригинальные документы, так и обзоры динамичных этнополитических процессов в соответствующих регионах. В результате Галя выпустила «Хронику межнациональных конфликтов в России. 1991 год» (Комарова 1994а), «Хронику жизни национальностей в СССР. 1990 год» (Комарова 1996а) и «Хронику жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год» (Комарова 1997). Под ее редакцией также вышли сборники по Эстонии (Комарова 1994б) и Калмыкии (Комарова 1995; 1996б). Кроме того, в начале 1990-х годов она не раз выступала на конференциях и с лекциями по проблеме беженцев и вынужденных переселенцев (Komarova 1992; 1993).

В те годы полевые выезды представляли большие трудности и были вызовом для исследователей: остро не хватало финансовых средств, на местах отсутствовала удовлетворительная инфраструктура, устанавливать контакты с людьми в постсоветских государствах было довольно сложно. Практическая смётка подсказала Гале брать с собой в такие поездки родственников для поддержки. Помню, как в 1990 г. мы с ней ездили в Тбилиси и присутствовали на выступлении Звиада Константиновича Гамсахурдиа. Иногда она ездила в командировки вместе с нашим сыном или со своей племянницей. Прирожденный такт, умение находить нужные слова, открытость и участливость помогали ей в общении с коллегами, и люди всегда шли ей навстречу. В особенности их подкупало ее стремление оказать посильную помощь в случае необходимости, и она всегда выполняла свои обещания.

С 1992 по 1998 г. Галя ежегодно проводила полевые исследования на Южном Урале: в 1992–1994 гг. в рамках российско-американского проекта, а в 1995–1998 гг. — самостоятельно, заложив основы нового направления в отечественной антропологии: изучение техногенных катастроф. Речь шла о достаточной регулярных радиационных выбросах в Челябинской области, оказывавших губительное влияние на местное население, состоявшее из русских, татар и башкир. Сложившаяся ситуация привлекала внимание американских коллег, поскольку позволяла провести сравнение с аналогичными проблемами в Хэнфорде (штат Вашингтон, США).

Галя самоотверженно ездила в район радиоактивного заражения и собрала там уникальные материалы о самочувствии местного населения и о том, как люди пытались спасти себя и своих близких при отсутствии какой-либо зна-

чимой помощи от административных органов. Так Галя фактически оказалась единственным в мире этнографом, проводившим полноценные, чрезвычайно сложные и опасные исследования в зоне радиоактивного заражения. Причем она публиковала результаты своих исследований не только в научных изданиях, но и в местной прессе, надеясь побудить власть и общественность оказать помощь местным жителям. Она также обсуждала сложившуюся ситуацию с депутатами Государственной думы. Это был гражданский подвиг, и за это она была достойна награды, но, разумеется, никакой награды не последовало. Результатом работы стали книга «ПредТеча Чернобыля: этнокультурные аспекты экологической катастрофы на реке Теча» (Комарова 1999; 2002а) и успешно защищенная в 2003 г. докторская диссертация (Комарова 2002б). Полученные Галей данные использовались в работе специальной Комиссии Совета Федерации РФ по подготовке поправок в текст Закона РФ «О социальной защите лиц, пострадавших от радиационной аварии 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча». Результаты своих исследований Галя не раз докладывала на международных конференциях.

Рис. 2. Г.А. Комарова выступает на конференции в Осаке, январь 2001 г. (Фото автора)

В конце 1990-х и начале 2000-х годов мне довелось поработать в нескольких международных научных центрах, и почти всегда мы ездили туда вместе. В результате нам удалось долго пожить в разных странах как на Западе, так и на Востоке. Я работал по своей тематике, связанной с этническими конфликтами и всевозможными фобиями, а Галя пускалась в свободное плавание — ее интересовала жизнь эмигрантов, выходцев из бывшего Советского Союза.

Везде она первым делом находила Российский культурный центр, русские книжные магазины и библиотеки, а также издательства русскоязычных газет и журналов, знакомилась с их сотрудниками. Она регулярно навещала в Российские культурные центры, где время от времени собирались эмигран-

ты, приходившие на проводившиеся там концерты, выставки, кинопросмотры, встречи с артистами, писателями, поэтами и журналистами, а также лекции. Она особенно ценила творчество Сергея Довлатова и часто на него ссылалась. В те годы она не расставалась с кинокамерой. Иногда мы ходили на просмотр российских фильмов, а также временами посещали праздники, устраивавшиеся эмигрантами. Галя везде находила магазины с русскими продуктами и иной раз что-нибудь оттуда приносила. Она легко знакомилась с людьми, интересовалась их жизнью, наблюдала за их поведением, в том числе языковым. Не оставляла она и интерес к детской тематике. Будучи в Нью-Йорке, мы, разумеется, посетили и Брайтон-Бич.

Рис. 3. Г.А. Комарова и русская пресса (Вена, 2007 г.). (Фото автора)

Рис. 4. Г.А. Комарова и дети у синтоистского святилища в Саппоро, 2004 г. (Фото автора)

Рис. 5. Г.А. Комарова на Брайтон Бич (Нью-Йорк, 2010 г.). (Фото автора)

Галя также завязала контакты с активистами «Русского мира», среди которых было немало журналистов, издателей газет и журналов, предназначенных эмигрантам. В частности, в 1999–2000-х годах, когда я работал в Гарварде, она по собственной инициативе собрала интереснейшие материалы о жизни выходцев из бывшего Советского Союза в Бостоне. Она встречалась с ними и в Москве на мероприятиях «Русского мира». Так на свет появилась ее книга «Русский Бостон» (Комарова 2002в), а затем все это помогло ей успешно осуществить проект, связанный с «Русским миром», и выпустить большой коллективный труд «Русский мир в меняющемся мире» (Комарова 2018), ставший для нее последней книгой.

К 1990-м годам на Западе сформировалось такое популярное исследовательское поле, как социальная история науки, придающая особое значение роли социального контекста в жизни и научной деятельности ученых. Мы с Галей неоднократно обсуждали такие проблемы, и, как мне кажется, это оказало определенное влияние на возникшее у нее желание заняться антропологическим изучением роли и места ученых в современном мире. Ее особенно удручали происходившая на наших глазах маргинализация науки, исчезновение научных школ, атомизация ученых, нарастающий разрыв между поколениями, отсутствие у многих ученых саморефлексии.

После наших поездок на Запад, а также в Японию, у нас появилось много хороших знакомых среди зарубежных коллег. И в 2005 г. Галя начала переговоры с женщинами-антропологами о бинарных интервью, а затем издала серию таких интервью (Комарова 2007а; 2007б; 2011а; 2011б; 2016б).

Вплотную она приступила к теме антропологии академической жизни (ААЖ) после нашего возвращения из США весной 2006 г., хотя она и раньше с интересом собирала материалы (вырезки из газет, журнальные статьи, воспоминания ученых, материалы о юбилеях и капустниках, об экспедиционном быте, этнографические частушки, сценарии этнографических праздников и пр.) о состоянии дел в российской науке, причем не только в этнологии. В частности, будучи в Вашингтоне, мы посетили 104-ю ежегодную конферен-

цию Американской антропологической ассоциации (30 ноября — 4 декабря 2005 г.), где Галя заинтересовала секция, посвященная этнографии академической жизни.

Кроме того, побывав в различных американских университетах и участвовав в нескольких научных конференциях в США, Галя собрала интересные сравнительные материалы, которые она всегда имела в виду, занимаясь ААЖ. Наши зарубежные поездки позволили ей познакомиться с западным опытом исследований внутренней кухни ученого и процессов саморефлексии, что привлекало внимание западных специалистов с конца 1960-х годов. Особенно высоко она оценивала вклад Клиффорда Гирца, создавшего школу интерпретативной антропологии.

Определенное влияние на нее оказала и книга В.А. Тишкова «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами» (2008), на которую она написала рецензию, отметив ее большой вклад в становление такого научного направления, как ААЖ (Комарова 2008а). Она также высоко оценила исследования в области антропологии профессий, проводившиеся рядом российских ученых: П.В. Романовым, Е.Р. Ярской-Смирновой, Т.Б. Щепанской. И, наконец, в последние десятилетия появилось немало книг-воспоминаний, написанных выдающимися советскими учеными, что также давало обильную пищу для обсуждения проблем ААЖ.

С учетом этой разнообразной тематики Галя сумела организовать первую секцию по ААЖ в Саранске на VII Конгрессе этнографов и антропологов России летом 2007 г. За этим последовали еще два раунда подобных обсуждений — в Оренбурге в 2009 г. (КЭАР VIII) и в Петрозаводске в 2011 г. (КЭАР IX). Секция имела оглушительный успех — она стала едва ли не самой посещаемой: желающие принять участие или просто послушать доклады не помещались в небольшой комнате, перед которой нередко вырастала целая толпа из тех, кому приходилось слушать выступления из-за двери. При этом важно подчеркнуть, что Галя заботилась о публикации материалов секции и по ее результатам исправно выпускала сборники, неизменно получавшие высокую оценку специалистов (Комарова 2008б; 2010; 2013). За эти годы у Гали сложились хорошие отношения со множеством ученых, интересовавшихся данной тематикой, и она мечтала о продолжении этой работы на следующих конгрессах.

Однако, похоже, популярность секции ААЖ задела интересы некоторых статусных персон, и Гале было предложено сменить предмет исследований. Будучи человеком неконфликтным, она с большим сожалением пошла на это, хотя у нее была договоренность со многими специалистами, желавшими развивать данное направление дальше. Ведь она уже готовилась к проведению следующего заседания секции, посвященного саморефлексии ученого. Но из-за закулисных административных интриг этому не суждено было сбыться. Так Галя вплотную столкнулась с некоторыми издержками ААЖ, еще раз подтвердившими не только высокую значимость, но и болезненность рассматриваемой проблематики.

После закрытия ААЖ Галя занималась еще двумя темами. Сперва она организовала проект по комплексным междисциплинарным методам (Комарова 2008в).

рова 2016а), а ее последняя работа была связана с изучением «Русского мира» (Комарова 2018). С междисциплинарностью она имела дело со студенческой скамьи, когда ее заинтересовала этнография детства и ей пришлось вплотную столкнуться с педагогикой. Затем она много лет тесно взаимодействовала с этносоциологами, а при изучении экологической катастрофы на Южном Урале ей понадобилось глубоко вникать в медицинские проблемы. В своих работах она подчеркивала, что в 1960–1980-е годы этнографии удавалось избегать жесткого идеологического прессинга, который тогда испытывали другие близкие науки. И в те годы успешно проводились исследования на стыках разных наук. Она с сожалением отмечала некоторый спад интереса к междисциплинарности в постсоветский период и призывала обращаться к методам смежных наук, расширяющим круг научного познания.

Ее тяготение к междисциплинарности ярко проявило себя в ее последнем фундаментальном издании, посвященном русскоязычной диаспоре, которую она очень хорошо знала, благодаря нашей жизни в целом ряде стран — в США, Израиле, Японии, Австрии и Финляндии.

Галина Александровна была честным, справедливым, очень доброжелательным, отзывчивым и заботливым человеком. Она не могла не помочь, если чувствовала, что кому-то требуется помощь. При этом она не думала о себе, о своих интересах. Расскажу о двух случаях из нашей жизни. Был у нас дворник, киргиз. Чтобы поддержать его, Галя написала в управу письмо с просьбой объявить ему благодарность за хорошую работу — и успешно добилась своего. Второй случай связан с нашей собакой. Мы с ней ежедневно гуляли и, считая, что ничего не случится, спускали с поводка. Однажды мы отправились на прогулку к набережной Москвы-реки. А наша собака любила перепрыгивать через барьеры. Внезапно она перемахнула через парапет и, естественно, оказалась в воде. Не раздумывая, Галя бросилась следом, чтобы спасти её. И мне пришлось вылавливать их обеих из реки.

Приложение

Стенограмма заседания диссертационного совета

Заседание совета Д 002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальности 5.6.4 — этнология, антропология и этнография (исторические науки)

14 января 2003 года

Председатель совета — доктор исторических наук, профессор В.А. Тишков

Ученый секретарь совета — доктор исторических наук, А.Е. Тер-Саркисянц

Состав диссертационного совета утвержден в количестве 24 человек, на заседании присутствуют 22 члена совета, в том числе 22 доктора наук по профилю рассматриваемой диссертации:

1	Тишков В.А.	доктор исторических наук	07.00.07
2	Пучков П.И.	доктор исторических наук	24.00.07
3	Тер-Саркисянц А.Е.	доктор исторических наук	07.00.07
4	Алаев Л.Б.	доктор исторических наук	07.00.07
5	Алексеева Т.И.	академик РАН	03.00.14
6	Арутюнов С.А.	член-корреспондент РАН	07.00.07
7	Арутюнян Ю.В.	член-корреспондент РАН	07.00.07
8	Бутовская М.Л.	доктор исторических наук	03.00.14
9	Васильев С.В.	доктор исторических наук	03.00.14
10	Громько М.М.	доктор исторических наук	24.00.01
11	Губогло М.Н.	доктор исторических наук	07.00.07
12	Жуковская Н.Л.	доктор исторических наук	24.00.01
13	Зубов А.А.	доктор исторических наук	03.00.14
14	Кашуба М.С.	доктор исторических наук	07.00.07
15	Косиков И.Г.	доктор исторических наук	07.00.07
16	Лебедева Н.М.	доктор исторических наук	07.00.07
17	Марков Г.Е.	доктор исторических наук	07.00.07
18	Мартынова М.Ю.	доктор исторических наук	07.00.07
19	Соколова З.П.	доктор исторических наук	24.00.01

20	Таболина Т.В.	доктор исторических наук	07.00.07
21	Тумаркин Д.Д.	доктор исторических наук	07.00.07
22	Чешко С.В.	доктор исторических наук	07.00.07

Председатель: Таким образом, согласно п. 28 положения ВАК, наше заседание правомочно, кворум у нас имеется. Начинаем работу совета.

На повестке дня: защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Галины Александровны Комаровой на тему: «Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала)».

Официальные оппоненты: член-корреспондент РАН С.А. Арутюнов, доктор исторических наук Н.Р. Маликова, доктор исторических наук А.К. Соколов.

Ведущее научное учреждение — кафедра этнологии Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Слово для оглашения данных о соискателе представляется ученому секретарю.

Ученый секретарь, д.и.н. А.Е. Тер-Саркисянц зачитывает материалы личного дела соискательницы и отмечает, что они соответствуют всем требованиям Положения ВАК РФ.

Ученый секретарь: Есть ли вопросы по материалам личного дела?

(Ответ: нет.)

Ученый секретарь: Слово предоставляется соискателю.

Г.А. Комарова: *(Текст вступительного слова прилагается.)*

П.И. Пучков, д.и.н., председатель Диссертационного совета: Есть ли вопросы к соискателю?

Э.Г. Александренков, д.и.н.: В чем сходства и различия теченской и чернобыльской ситуаций? Возможно ли изучить последствия чернобыльской аварии так же, как Вы исследовали теченскую ситуацию?

Г.А. Комарова: В отличие от острого одномоментного облучения в результате ядерного взрыва, при проживании людей в зоне радиационного загрязнения формирование индивидуальной дозы человека связано не только с ситуационными факторами (положение по отношению к источнику излучения, наличие экранов и т.д.), но и с поведением самого человека. И в этом обнаруживается определенное сходство в положении жителей радиационно-зараженной поймы р. Теча и самоселов чернобыльской зоны.

Наряду с этим самоселы отчужденной зоны Чернобыля, по данным НПО «Припять», проживают в 16 населенных пунктах, расположенных не ближе 10 км от ЧАЭС и, в основном, в так наз. «пятнах» более низкого, по сравнению с остальной зоной, радиационного загрязнения, т.е. у них нет такого постоянного источника хронического заражения, каким служит р. Теча для населения ее поймы. Кроме того, используемые ими вода и продукты имеют не только местное происхождение, т.е. они производятся не только на «грязных» территориях.

Еще одно отличие состоит в том, что в чернобыльской зоне нет постоянного населения. Часть самоселов приезжают туда лишь на лето, часть из них ездит на работу в «чистую» зону. Сотрудники НПО «Припять» установили, что в 1992 г. в зоне отчуждения проживало около 1500 человек. К 1993 г., в результате пожаров на торфяниках летом 1992 г., число самоселов резко сократилось. Кстати, в этот год было отмечено значительное повышение уровня инкорпорации радионуклидов в организме самоселов зоны отчуждения. По последним данным, самоселы Чернобыля на 75% старше 60 лет, люди в возрасте от 50 до 60 лет составляют 19%. Национальный состав их неизвестен.

Радиоизотопный состав выбросов Чернобыльской АЭС и ПО «Маяк» различен. Это очень важно с точки зрения их воздействия на здоровье людей и окружающую среду. В Чернобыле основное значение имели изотопы радиоактивного йода и цезия; на Тече — стронция, цезия, плутония. Соответственно и характер заболеваний облученных людей разный. Патология щитовидки и детей, и взрослых — медицинский феномен чернобыльской катастрофы. В то время как хроническая лучевая болезнь встречается только на Тече и только в России. Не острая, а именно хроническая лучевая онкология. Состав выбросов необходимо учитывать также и по причине прогнозирования ситуации. Здесь речь должна идти о периоде полураспада радионуклидов. В частности, период полураспада йода-131—8 дней; цезия-37—29,7 лет; стронция-90—28 лет; плутония-239—24 000 лет.

Как уже упоминалось, чудовищная уникальность теченской ситуации состоит в том, что постоянное население поймы зараженной реки, являясь потомками уже облученных лиц, более полувека проживает на загрязненных территориях, подвергаясь хроническому воздействию повышенной радиации. Очень бы хотелось, чтобы через 30–40 лет ученые не обнаружили в чернобыльской зоне объекта исследований, подобного теченцам. Но изучить систему жизнеобеспечения и особенности поведения чернобыльских самоселов в зоне повышенной радиации, используя исследования теченской ситуации, вполне реально.

В.А. Тишков, д.и.н., член Совета: Известны ли Вам социокультурные исследования других радиационных техногенных катастроф?

Г.А. Комарова: Специальных социокультурных исследований последствий радиационных катастроф не проводилось. Но известны материалы о судьбах коренных жителей тех районов, которые использовались для реализации всевозможных ядерных программ, например, восьми индейских племен резервации Якима, пострадавших от деятельности плутониевого предприятия

в Хэнфорде (штат Вашингтон, США) или жителей атолла Бикини, которых в 1946 г. во главе с королем Джуди американцы переселили на о. Киви. И те, и другие, в отличие от теченцев, были оторваны от родных мест. Резкий переход на новую систему жизнеобеспечения и прежде всего на новую систему питания вызвал многочисленные болезни (нарушение иммунной системы, диабет, гипертонию, ожирение и т. п.), а также неразрешимые социальные проблемы. В результате, спустя сорок лет, когда американцы разрешили бикинцам вернуться в родные места, заявив при этом, что проблему дезактивации атолла они должны решать сами, оказалось, что от более 10 тысяч бикинцев осталось лишь 1200 старых больных людей.

Ж.Б. Логашева, к. и. н.: Какие существуют примеры этнических или профессиональных традиций, которые в условиях повышенной радиации приобретают иное значение, чем в нормальных обстоятельствах?

Г.А. Комарова: В работе содержится множество подобных примеров. Для Вас, как специалиста по исламу, наиболее интересны примеры мусульманских догм, соблюдение которых в специфических условиях зоны повышенной радиации требует особого подхода и даже творческой адаптации к современным реалиям. Они особенно наглядны в системе питания теченцев и в сфере личной гигиенической культуры. Как известно, два основных предписания определяют образ жизни мусульманина: «харам» — запретное, и «халал» — дозволенное. И именно в системе питания эти правила разработаны наиболее подробно. К числу абсолютно запрещенных продуктов ислам относит прежде всего свинину. Мусульманину запрещено даже торговать ею. Между тем установлено, что в зоне повышенной радиации из всех видов мяса свинина наименее радиоактивна: во-первых, потому что она меньше поглощает радиации, так как содержит больше сала и мяса по сравнению с костями, чем баранина, говядина, гусятина и т. д.; во-вторых, в местных условиях свиньи — это те немногие из домашних животных, которые не пасутся в пойме реки и, соответственно, меньше подвергаются ее радиоактивному воздействию; в-третьих, в их рацион не входят корма, заготовленные на берегах Течи. Среди мясных продуктов наиболее «загрязненной» считается говядина; затем — мясо домашней птицы (гуси, утки, куры); далее — баранина, телятина и, наконец, свинина. В ходе опроса выяснилось, что часть теченских татар и башкир употребляют в пищу свинину. Правоверные мусульмане никогда ее не едят, но при этом не осуждают своих родных и близких, которые нарушают этот религиозный запрет.

М.Л. Бутовская, д. и. н., член Совета: Почему, на Ваш взгляд, среди активных жителей поймы мало мужчин? С чем это может быть связано?

Г.А. Комарова: Результаты опроса 1993 г., углубленное интервьюирование, полевые наблюдения позволяли в условиях острой стрессовой ситуации начала 1990-х годов выделить среди теченцев тип поведения людей, условно названный «конструктивным». Эту группу населения составляли в основном мужчины среднего возраста, социально активные, материально обеспеченные, со средним специальным и высшим образованием: руководители среднего звена, сельские специалисты, бывшие партийные и советские работники и т. п. Для поведения этого типа людей была типична ориентация на конструктивные, последовательные действия, на поиски решения, выход из ситуации «шаг

за шагом». Конструктивисты, в отличие от других групп теченцев, имели определенную программу и действовали, как правило, по одинаковому сценарию, поняв, что надежды, связанные с принятием закона 1993 г., не оправдались, и оценив свои права и возможности в сложившейся ситуации, они покидали зону заражения, предварительно подготовив почву для переселения своих родных и близких. Среди «конструктивистов» были представители всех национальностей, но большинство — русские, причем, как правило, они не являлись коренными жителями региона. К середине 1990-х годов этот тип социального поведения в зоне практически не наблюдался. Оставшись в зоне, вероятно, они бы вошли в группу активных.

А.Д. Коростелев, к.и.н.: Есть ли этническая специфика в делении жителей поймы на «активных» и «пассивных»? И, второе, от чего зависит уровень активности теченцев?

Г.А. Комарова: Этнической специфика в делении теченцев на «активных» и «пассивных» не наблюдается, но сказывается действие таких факторов, как конфессиональная принадлежность, уровень образования, социальное положение. Уровень активности теченцев зависит, как правило, от внешних факторов, таких, например, как решения, принимаемые в отношении теченской проблемы на федеральном, областном, районном уровнях; от степени активности местных экологических движений, обществ, комитетов; от влияния руководителей различных национальных движений, землячеств, обществ Челябинска, Казани, Уфы, а также от наличия той или иной предвыборной кампании в регионе и т.п.

П.И. Пучков: Благодарю Г. А. Комарову за обстоятельные ответы. Переходим к зачитыванию официальных отзывов и заслушиванию официальных оппонентов.

Ученый секретарь, д.и.н. А.Е. Тер-Саркисянц: Работа обсуждалась на совместном заседании Центра по изучению межнациональных отношений и Отдела этноэкологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН 18 июня 2002 г.

(Зачитывает отзыв-заключение.)

Далее зачитывает отзыв ведущей организации — кафедры этнологии Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ученый секретарь делает обзор четырех положительных отзывов, поступивших на автореферат диссертации Г.А. Комаровой:

А.В. Малашенко — д.и.н., профессора МГИМО(У) МИД РФ, вице-председателя Ученого совета Московского центра Карнеги; Е.П. Бусыгина — д.и.н., профессора Казанского государственного университета и Г.Р. Столяровой — к.и.н., доцента Казанского государственного университета; Ф.Г. Сафина — д.и.н., ведущего научного сотрудника отдела этносоциологии и этнополитологии Центра этнологических исследований УНЦ РАН и к. геогр. н. А.В. Псянчина — старшего научного сотрудника Центра этнологических исследований

УНЦ РАН; Р.И. Якупова — д. и. н., зам. директора Центра этнологических исследований УНЦ РАН.

Г.А. Комарова: Благодарю всех приславших отзывы на автореферат. Также благодарю коллег с кафедры этнологии МГУ за внимательное и глубокое прочтение моей диссертации, их замечания и пожелания в дальнейшей работе.

В отзыве ведущего научного учреждения поднимались два вопроса:

Вопрос 1: о наборе овощей в рационе питания жителей поймы р. Теча. Этот вопрос важен прежде всего потому, что в условиях зоны повышенной радиации именно пища (продукты питания местного производства, к которым прежде всего относятся овощи с частных подворий) служит одним из основных путей внутреннего облучения человеческого организма. Проблема приобретения «чистых» продуктов для теченцев — одна из важнейших и актуальных. А в рационе питания теченцев присутствуют овощи только местного производства. В работе в двух разделах второй главы («Овощеводство и садоводство в пойме р. Теча» и «Система питания») дается стандартный набор овощных культур, производимых на приусадебных участках местных жителей, описывается этническая специфика их производства и потребления. Особое внимание уделено картофелю, так как именно картофель занимает самую большую площадь на приусадебных участках и наряду с молоком составляет основу повседневного рациона всех теченцев, независимо от их национальной принадлежности. В ходе работы дважды, в 1992 и 1998 гг., проводилось сравнительное исследование ежесуточного и ежегодного потребления основных продуктов питания жителями зоны, в том числе овощей. Но в силу объективных причин (отсутствие финансов, трудности полевой работы и др.) все овощи, за исключением картофеля, учитывались одной общей строкой. Из многих данных, полученных в результате работы в зоне, в том числе и по набору местных овощных культур, вошли в эту работу только те, что подверглись экспертизе и не требуют дополнительного комплексного анализа специалистов.

Вопрос 2. Отмеченное в отзыве противоречие между приверженностью теченцев к семейным ценностям и падением в последнее десятилетие среди них уровня брачности, увеличением числа отказных детей и т. п., имеет ряд объяснений. Во-первых, в первом случае в исследовании речь идет о «желаемой», «проективной» ситуации: об установке личности на брак, об отношении к семье и семейным ценностям; во втором — о «реальной» ситуации. В ходе опроса выяснялось отношение респондента, его установка — реальное психическое состояние личности, всегда переживаемое, эмоционально окрашенное, но не всегда осознаваемое. Установка лежит в основе конкретного поведения, так как формирует готовность человека действовать определенным образом. Но на практике, как и свидетельствуют полученные данные, не все желающие иметь семью состоят в браке и имеют детей. Репродуктивное поведение жителей поймы не совпадает с их субъективными установками и ориентациями. Причиной этого служат, в частности, половозрастные диспропорции в демографической структуре населения поймы; влияние радионуклидного фактора (в частности, расстройства в сексуально-половой сфере и как следствие их — повышенная доля бездетных пар); последствия информационного бума начала 1990-х годов; а также конфессиональные и этнические особенности

поведения людей. Например, отказ от больных и отягощенных детей в 1990-е годы чаще наблюдался среди верующих татар и башкир, полагающих, что любая болезнь, любое уродство — это божье наказание, наказание Аллаха и его нужно скрывать от людей. По этой причине известны случаи, когда больных, новорожденных детей и детей с врожденными аномалиями старались отдать на воспитание родным, живущим в других населенных пунктах.

П.И. Пучков: Слово предоставляется первому официальному оппоненту — чл.-корр. РАН С.А. Арутюнову. (*Текст выступления С.А. Арутюнова прилагается.*)

П.И. Пучков: Слово для ответа предоставляется соискателю.

Г.А. Комарова: Благодарю С. А. Арутюнова за высокую оценку моей работы. Это для меня особенно важно, так как послужит стимулом в моей дальнейшей работе. Очень многие полевые материалы не вошли в данное исследование. И на их основании (помимо архивных и литературных материалов) можно написать и «белую книгу» в духе журналистки А. Ярошинской или, следуя по стопам С. Алексиевич, книгу «У радиации — не человеческое лицо». В 1999 г. я передала своей бывшей соседке по ул. Полянка Т. Толстой некоторые свои материалы, которые затем нашли отзвук в ее романе «Кысь», но это уже другой жанр. В данном исследовании стояла абсолютно другая задача.

Я не ставила себе такую задачу — выявить и назвать виновников теченской трагедии. Хотя данных для этого имеется достаточно. В частности, в ходе обследования населения в 1993 г. задавался вопрос о том, кого потерпевшие считают виновниками своей трагедии. Получены интересные материалы. В начале 1990-х годов удалось собрать около 200 интервью с высокопоставленными чиновниками из Минатома, Минздрава, депутатами разного уровня, сенаторами, руководителями области, представителями администрации ПО «Маяк» и др. Особый интерес вызывают материалы, полученные при обследовании сотрудников закрытых городов и российских ядерщиков. И вот здесь существует огромное поле работы для этнографов. Здесь возможен этнографический подход, особый взгляд этнографа на проблему. Это — классическая этнографическая тематика: система верований, обрядов этих людей, этого замкнутого сообщества, своеобразной гильдии, особой касты, особой субкультуры. Дело в том, что нормальный человек, занимаясь ненормальным делом (разработкой новых способов уничтожения возможно более быстрого уничтожения наибольшего числа людей), просто вынужден создать особую систему взглядов, дающих ему психологическую защиту и какую-то возможность самоопределения в этом мире. Эти люди создают свою касту, гильдию, особую субкультуру. Высокообразованная интеллектуальная элита и мещанские, обывательские взгляды на мир. Самоотверженная работа на благо Родины. Искренняя вера в то, что их «труд» делает мир более безопасным. Особенно ярко это проявляется в закрытых городах, в условиях их тотальной засекреченности. Мне довелось побывать в закрытых городах и встречаться с создателями «Маяка», в частности, оказывать помощь в издании мемуаров бывшего директора плутониевого производства Михаила Васильевича Гладышева «Плутоний для атомной бомбы», а также книги зав. химической лаборатории Лии Петровны Сохиной «Плутоний в девичьих руках» и др. В их

мемуарах возникает необыкновенная картина жизни в закрытых городах: высочайший уровень технического образования и гуманитарный дефицит; изолированность от очагов культуры; закрытость для гастролей, фестивалей, контактов любого рода с внешним миром; кастовая замкнутость и строгость морали; шпиономания и патриотизм; коммунистические идеалы и гулаговские традиции — и многое другое. И полная изолированность от местного населения, которое называло их «шоколадниками», ненавидело и завидовало им. Они сытно жили за забором, в параллельном мире, пока «Маяк» не стал причиной их общей беды.

И еще один аспект. Сегодня резко изменились условия жизни и работы в закрытых городах. Всем, кто связан с ядерным комплексом, приходится менять систему взглядов, приспосабливаться к новым обстоятельствам. И это также имеет свой этнографический аспект. Именно этнографам хорошо известно, как поступают все человеческие общества, традиционному образу жизни которых угрожают идущие извне эпохальные изменения. В данном случае ядерщики становятся жертвами созданной ими же системы. Ядерная и в целом военная промышленность, будучи запущенной в ход, развивает собственную инерцию, в том числе и в психологии работающих в ней людей. Эта система способна пережить ту исчезнувшую цель, для которой она была создана.

П.И. Пучков: Слово предоставляется второму официальному оппоненту — д. соц. н. Н.Р. Маликовой. *(Текст выступления Н.Р. Маликовой прилагается.)*

П.И. Пучков: Слово для ответа предоставляется соискателю.

Г.А. Комарова: Благодарю Наилу Рамазановну за равнодушное отношение к моей работе, и я учту при переработке текста диссертации в книгу замечания по структуре изложения материала и расширению отдельных ее разделов.

Было очень интересно и полезно выслушать мнение профессионального этносоциолога о диссертации. Вместе с тем ряд моментов хотелось бы обсудить. И главный тезис моего оппонента, вызывающий мои возражения — это положение о том, что теченские события можно, по мнению Наили Рамазановны, определить как «латентный этноэкоцид» населения Южного Урала. Это крайне важный и принципиальный вопрос, и я бы хотела на нем остановиться. Это не просто теоретические рассуждения, они имеют выход на практику. Здесь сошлюсь на авторитет моего научного консультанта В.А. Тишкова, который в своих работах неоднократно подчеркивал, что, изучая последствия экологических катастроф, нельзя трактовать их в терминах «этноцид» или «геноцид». Неслучайно, начиная с 1995–1996 гг., знакомясь с результатами моего исследования, В.А. Тишков постоянно напоминал о том, что между этничностью и радиацией нет и не может быть никакой связи.

Материалы нашего исследования полностью подтвердили это положение. Полученные данные (прежде всего архивные и литературные источники) показывают также, что в данном конкретном случае не было и преднамеренного уничтожения природной среды, чьего-либо злого умысла не было и не могло

быть, т.е. об экоциде также нет речи. Жертвами теченской трагедии стали люди самых разных национальностей. Но в силу объективных обстоятельств наиболее пострадавшими оказались татары и башкиры: именно их поселения (за исключением русского села Метлино) находились в верховьях Течи, т.е. ближе к «Маяку»; именно их деревни оказались в день Кыштымской аварии 29 сентября 1957 г. в зоне радиационного выброса именно с подветренной стороны; а десять лет спустя ураган, поднявший радиоактивные осадки пересохшего оз. Карачай, обрушил их практически на те же селения, на те же территории, что и кыштымский выброс.

Сегодня в официальной признанной зоне повышенной радиации татары и башкиры составляют большинство населения. В начале 1990-х годов этими фактами активно манипулировали лидеры различных национальных движений Казани, Челябинска, Уфы и других. Отношение самих теченцев к этой проблеме в изучаемый период менялось неоднократно. Все эти сюжеты рассмотрены в специальном разделе диссертации «Динамика этнической самоидентификации жителей зоны».

Как известно, геноцид состоит в физическом истреблении целых групп населения по расовым, национальным, этническим, религиозным признакам. И отвечая однозначно на вопрос, следует сказать, что от деятельности «Маяка» в равной степени пострадали все жители поймы, независимо от национальной и конфессиональной принадлежности. «Латентного этноэкоцида» (Н.Р. Маликова) в пойме р. Теча не было. Была и происходит экологическая катастрофа, от которой в равной степени страдает все многонациональное население зоны. В работе приводится множество тому примеров. В частности, пострадали цыгане теченской деревни Заманиха, которые в конце 1940-х годов откликнулись на призыв начать оседлую жизнь и стали жертвами радиации. Очень пострадали русские жители деревни Метлино, расположенной ближе всех к ПО «Маяк», которые получили наибольшее радиационное поражение. И при этом деревня Метлино не была внесена в списки пострадавших, так как ее переселяли в течение нескольких лет, и ее жители попали к тому же в зону ВУРСа (ред. — Восточно-Уральский радиоактивный след). Но так как это не было документально зафиксировано, многие жители Метлино не сумели получить статус «теченской жертвы». На самом «Маяке» татары и башкиры пострадали меньше, чем представители других национальностей, только по той причине, что на самом производстве плутония среди специалистов, эксплуатационщиков, руководителей инженерно-технического состава их практически не было. Среди погибших, пострадавших и облучённых на производстве больше всего было русских и евреев. Евреи пострадали еще и по другой причине. В период борьбы с космополитизмом по приказу Л.П. Берия все они в течение недели были уволены с «Маяка». Известны случаи, когда прекрасные специалисты, всю жизнь отдавшие «Маяку», умирали по этой причине от сердечных приступов. В то же время «повезло» немцам и так наз. неблагонадёжным уральцам всех национальностей, которых в связи со строительством секретного военного объекта «Маяк» КГБ в срочном порядке выселило из города Кыштым и других населенных пунктов в радиусе 100 км от плутониевого комбината. В результате они избежали радиационного заражения.

История заражения р. Теча и жителей ее поймы — это экологическая катастрофа для всего живого. Здесь нет и не может идти речи о геноциде какой-либо одной этнической группы и о так наз. экологическом расизме.

П.И. Пучков: Третий официальный оппонент — д.и.н. А.К. Соколов отсутствует, но он прислал положительный отзыв. Попросим его зачитать.

(А.Е. Тер-Саркисянц зачитывает отзыв д.и.н. А.К. Соколова, который прилагается.)

Слово для ответа предоставляется соискателю.

Г.А. Комарова: Благодарю проф. А.К. Соколова за глубокий анализ моей работы и ее высокую оценку. В отзыве поднимается вопрос о необходимости различать позитивное отношение людей к религии, собственно их религиозность и роль религии в жизни теченцев. Сразу же скажу, что общепринятого определения понятия «религиозность» в современной науке нет. В качестве основных индикаторов религиозности в социологии религии приняты показатели религиозного сознания и религиозного поведения. В данном исследовании уровень религиозного сознания определялся ответом на вопрос: «Верующий ли Вы человек?». Увеличение числа респондентов, считающих себя верующими, в период между двумя опросами населения 1993 и 1998 гг. свидетельствует о росте религиозного сознания и положительного отношения теченцев к религии, но вместе с тем его нельзя интерпретировать как стремительный подъем религиозности. Вслед за Р.Б. Тагировым и Р.Н. Мусиной главными критериями религиозного поведения в нашем исследовании служили «знание и соблюдение основных религиозных норм». Известно, что российские исследователи во многих регионах страны характеризуют религиозность современных россиян как поверхностную, формальную, эклектичную. По мнению Д.Е. Фурмана, истинно религиозные люди в современной России составляют не более 4%. По данным наших обследований, в пойме р. Теча «убежденные верующие» составили 5–7% от общего количества верующих. Именно эти люди, ощущая свою потерянную в обществе, обращаются к религии и находят в ней моральную опору, надежду на улучшение жизни. Именно сами верующие считают религию очень важным моментом в своей жизни и рассматривают ее как важное психотерапевтическое средство. В работе это и представлено как вывод самих респондентов, их субъективное мнение о месте религии в жизни, о ее позитивной роли в условиях выживания в зоне повышенной радиации.

Вместе с тем я разделяю мнение Андрея Константиновича о том, что в условиях зоны повышенной радиации степень приверженности религиозной традиции может иметь неоднозначные последствия. Именно это и демонстрируют материалы проведенного исследования. В частности, в работе приводятся как факты позитивной роли религии в жизни людей, так и различные примеры иррациональных элементов в конфессиональном сознании и поведении верующих теченцев. Таким образом, действительно, роль религии в условиях зоны повышенной радиации неоднозначна.

Меня порадовало замечание оппонента о том, что изложенные в диссертации материалы позволяют сделать более широкие выводы, чем они сделаны в диссертации. Особенно ценно и интересно, если это делают представители смежных научных направлений. Однако я не считаю себя автором вывода о том, что лишь этнологи способны оценить уровень угроз и степень рисков в системе жизнедеятельности человека. Напротив, это прерогатива

таких специалистов, как традиционные дозиметристы, биофизики, радиологи, радиоэкологи, гигиенисты питания и пр. И неслучайно, именно к ним я обращалась за научной экспертизой собранных мною в зоне материалов. Подчеркну, что данный методический прием был крайне важен в работе, так как сознавая, какой сложный междисциплинарный характер имеет практически любой аспект изучаемой в зоне проблемы, работу было необходимо корректировать с представителями различных научных направлений. Опыт подобного научного сотрудничества свидетельствует о том, что оно имеет взаимопользительный характер и что этнологи могут иметь свой аспект в изучении последствий техногенных катастроф.

И об этом уже неоднократно говорили ведущие представители нашей науки. В.А. Тишков еще в 1988 г. указывал в своей статье «Историческая эволюция и императив выживания» на необходимость новых подходов в осмыслении обществоведами последствий научно-технической революции. Он же был одним из первых, кто поддержал идею исследования этнокультурных последствий теченской трагедии. В ответе предыдущему оппоненту уже упоминалось о том, что В.А. Тишков постоянно предостерегал от того, чтобы фактор повышенной радиации напрямую связывался с фактором этничности. И вместе с тем есть проблемы, которые лишь этнограф сможет разрабатывать, изучая последствия экологических катастроф, например, исследовать этнические предпочтения и религиозные запреты в системе питания жителей зоны, способы ведения личного приусадебного хозяйства, навыки личной гигиены, а также народные способы профилактики и лечения заболеваний носителями различных культурных и конфессиональных традиций. Этнология может и должна расширить предмет своего исследования. Что же касается прикладного значения нашей науки, то здесь достаточно напомнить, как в 1920–1930-е годы этнографы распределялись на работу в Красный чум или избу-читальню, боролись с трахомой в Чувашии и т. д.

(Гаснет свет. Реплика: «Все! Пора заканчивать!»)

И в заключение хочу поблагодарить всех, и прежде всего своего научного консультанта В.А. Тишкова (*реплика: «А кстати, где он?»*) и всех тех, кто поддержал идею исследования этнокультурных аспектов теченской трагедии и помог мне в работе. Спасибо.

П.И. Пучков: Кто хотел бы высказаться по поводу обсуждаемой работы? Прошу.

М.Н. Губогло, д.и.н., член Совета: Наш Институт известен тем, что у нас изучаются этнические конфликты, проблемы этнической мобилизации и другие, принесшие заслуженную славу коллективу ИЭА. Сегодняшнее исследование освещает еще один аспект конфликтологии, когда анализируется конфликт человека с самим собой. Рассматриваемая работа вносит существенный вклад в такой раздел науки как конфликтология.

Вопреки всем установкам и стереотипам, которые есть в традиционной этнической и конфессиональной культуре, порой независимо от них, выше этой плоскости, человек вступает в конфликт с экологией, а еще точнее, в конфликт с самим собой, для того чтобы выжить. И вот в этом процессе выживания более важным является психологический подход, нежели этнический, конфессиональ-

ный и другие. И в этом смысле я присоединяюсь к той высокой оценке, которую дал С.А. Арутюнов этому исследованию как работе, вносящей достойный вклад в этнологическую науку. И вместе с тем упрек Сергея Александровича в том, что в ней не названы виновники теченской трагедии был бы справедлив, если бы работа защищалась на степень политологических, юридических или иных наук, но не этнологических, исторических. Тут вступают в действие моральные критерии, насколько Галина Александровна вправе предъявлять обвинения тому или иному конкретному лицу, инкриминировать общую беду всего общества. И здесь трудно ожидать какой-то персонификации.

Мне кажется, что действительно эта работа является новаторской, дающей важный импульс исследованию новой ниши в конфликтологии, связанной с изучением конфликта с самим собой.

П.И. Пучков: Есть желающие еще выступить?

В.И. Козлов, д.и.н.: В обсуждаемой работе мы видим скорее конфликт группы людей и всего общества, но не конфликт человека с самим собой, как считает М.Н. Губогло. Вместе с тем хочу поддержать его мысль о том, что выдвигать в диссертации какие-то обвинения — это не входит в задачу Галины Александровны.

И здесь я хочу поддержать второго оппонента: действительно, в поведении людей, живущих в пойме р. Теча, этнические и конфессиональные аспекты в общем-то сглаживаются. И действительно, их лучше звать «теченцы». К их беде нет адаптации, и единственным средством, единственно возможным средством борьбы с этой катастрофой является уход из этой зараженной поймы р. Течи.

Я все это сказал для того, чтобы предостеречь всех тех, кто будет увлечен тематикой изучения этнических и религиозных групп в условиях техногенных катастроф. Не всякий из этого омута вынырнет. Я думаю, что Галине Александровне удалось это сделать, и она вполне достойна искомой степени доктора исторических наук. Я здесь не стану очень к ней придираться. Но повторяю, что надо ясно понимать, за какую тему стоит этнографам браться, а за какую — не стоит.

П.И. Пучков: Слово предоставляется Валерию Александровичу Тишкову.

В.А. Тишков: Я хотел бы сказать только несколько слов. И в данном случае не потому, что я с большим удовольствием давал небольшие консультации Галине Александровне, включая название, которое похвалил Виктор Иванович. Галина Александровна, безусловно, сложившийся известный ученый, автор трех серьезных книг. Это ее третья книга. И должен сказать, что все они разные. Две по теме диссертации. Но книга «Русский Бостон» — это тоже вполне самостоятельная, и я бы даже сказал, заслуживающая тоже рассмотрения как серьезное диссертационное исследование.

Тема обсуждаемой диссертации очень актуальная и интересная. И я поддерживаю в этом В.И. Козлова, но в отличие от него, призываю этнографов смелее заниматься подобной тематикой. Две такие «прорывные» темы, которые, безусловно, являются нашими темами, выполнены в этом году в нашем

Институте: это работа по дедовщине, по антропологии экстремальных групп, выполненная К. Банниковым, и работа Галины Александровны по этнокультурным аспектам техногенных катастроф.

Второе, о чем хотелось бы сказать. Я вспоминаю, как в 1957 г. на танцплощадке в своем родном городе познакомился с девушкой, которую родители отправили из Кыштыма (подальше от аварии) к нам, поскольку там были дальние родственники, на Западный Урал. И она мне, как страшную тайну, рассказала то, что знала об этой ситуации. И нужно сказать, что эта тема еще неоднократно присутствовала в моей жизни, включая и знакомство месяц тому назад с директором «Маяка», академиком, с которым мы встречались на 70-летнем юбилее уральской науки. У них есть проекты по строительству атомной электростанции, о чем сообщали два дня назад и по ТВ, которая поможет решить проблему хранения жидких радиоактивных отходов.

В.И. Козлов: Вы не знаете, это не жидкие отходы, это осадок, который взрывается...

В.А. Тишков: Мы обсуждаем не ядерные технологии, а социокультурные аспекты радиационной катастрофы. Здесь можно выделить три уровня. Первый — общечеловеческий, этнологический, поведенческий. Он включает такие фундаментальные проблемы, как гендерные различия, жизненные базовые стратегии и другие. Второй — социологический уровень (хотя это и не наша стезя, но мы ее обойти не можем) — это все, что связано с образованием, профессиональными группами и т.д.; но культурный уровень все же разделяется на два (вот я его не увидел). Может быть, надо было высказать ранее это пожелание, но, если есть возможность, надо его учесть. Все-таки есть культурный уровень общероссийский или общесоветский. Ведь это тоже среда не вне культуры. Это пренебрежение своим здоровьем, низкая цена человеческой жизни и многие другие вещи, которые чисто культурно характеризуют, скажем, советский или общероссийский культурный комплекс. В данном случае они почти одинаково культурно строят поведение и татар, и башкир, и русских, и других. Вот это нужно обозначить и сформулировать, потому что это не внекультурный контекст, общероссийский, общенациональный. У Вас он иногда выглядит как чисто социологический, но это тоже культура.

И третий уровень — это собственно этническая культура или уровень партикулярности поведения. И здесь есть не только этнический, но и религиозный аспект. Мы не услышали, но это, наверное, у Вас есть, в чем же разница между этими двумя моделями «татаро-башкирской» и «мусульманской». Это же чрезвычайно интересно. Первая реакция — это одно и то же, но на самом деле это две разные модели, так как не все татары и башкиры являются верующими, и, может быть, даже большинство не является верующими. Может быть, вот это уровень партикулярной культуры. Уровень общероссийский можно было бы прописать почётче, если Вы будете работать дальше над этой темой.

В целом я считаю, что это новаторское исследование, наше этнологическое исследование, и надо продолжать всячески в этом плане работать. А научная смелость, трудолюбие, последовательность, целеустремленность, характеризующие работу Галины Александровны, мне кажутся заслуживающими вознаграждения в виде присуждения ей степени доктора исторических наук.

П.И. Пучков: Есть еще желающие выступить? Пожалуйста.

Г.П. Лежава, д.и.н.: Актуальная, новаторская работа Галины Александровны Комаровой интересна и может быть полезна не только узкому кругу специалистов, но и широкой научной общественности, и в целом многим социальным группам населения. В связи с этим у меня маленькая реплика. У меня возник вопрос: надо ли в наших этнологических и этнополитических работах принципиально ставить вопрос о персональных виновниках тех или иных исторических событий? Здесь развернулась дискуссия о том, надо ли доводить дело до того, чтобы в наших работах ставить так вопрос. Я считаю, что мы, изучая конфликты, имеем право очертить круг возможных виновников. Вопрос: до какого рубежа мы можем доходить, а где нужно остановиться? Это тоже предмет обсуждения ученых.

Что же касается диссертационного исследования Галины Александровны Комаровой, я считаю, что оно вполне удовлетворяет всем требованиям, а её автор заслуживает присуждения степени доктора исторических наук.

П.И. Пучков: Есть ли еще желающие выступить?

(Ответ: нет.)

Соискателю предоставляется заключительное слово.

Г.А. Комарова: Прежде всего, выражаю благодарность В.И. Козлову за то, что в течение восьми месяцев он пристально наблюдал за судьбой обсуждаемой диссертации и тем самым невольно способствовал тому, что работа была в значительной мере переделана и, надеюсь, улучшена. Вместе с тем жаль, что он не знаком ни с текстом диссертации, ни с книгой, ни с авторефератом.

В.И. Козлов: А как я мог?

Г.А. Комарова: Текст диссертации с 17 декабря 2002 г. находился в библиотеке ИЭА РАН. Автореферат я пыталась Вам вручить, но Вы не желали общаться.

Здесь уже упоминалось, что предварительное обсуждение работы на совместном заседании ЦИМО и сектора этноэкологии было интересным и энергичным. И я благодарна всем, кто принял в нем участие.

Очень лестно, что В.И. Козлов цитирует меня. Именно со слов о «простыне и кладбище» я начала свое выступление на предварительном обсуждении 18 июня 2002 г. Они характеризовали ситуацию острого одномоментного облучения, но не ситуацию проживания в зоне повышенной радиации.

Также очень жаль, что В.И. Козлов не присутствовал на первой половине сегодняшнего заседания, где я уже неоднократно описывала уникальность теченской ситуации. Я вынуждена попросить прощения у присутствующих и еще раз подчеркнуть для В.И. Козлова отличие теченской трагедии, например, от радиационной катастрофы в Хиросиме и Нагасаки. При бомбардировке Хиросимы произошло единовременное острое внешнее облучение, и фор-

мирование индивидуальной дозы заражения людей зависело лишь от ситуационных факторов (наличие экранов, местонахождение жертв бомбардировки по отношению к источнику заражения и т. д.).

В случае Хиросимы невозможно и корректно говорить об этнической специфике поведения людей в момент взрыва. Это было бы, по крайней мере, бессмысленно. Да, известно, что подавляющее большинство населения Хиросимы в момент взрыва составляли японцы. Несколько сотен военнопленных, прежде всего корейцев, погибли сразу же, так как их лагерь находился в эпицентре взрыва. Среди жертв бомбардировки (хибакуся) были и наши соотечественники — девять русских белых эмигрантов. Их колония составляла большинство иностранных граждан Хиросимы (кроме них, в городе проживали три немца и один американец). Известно, что все русские остались живы. Но это не потому, что они русские. Причиной тому было место их нахождения во время взрыва: в 8.15 утра они были дома. А будучи бедными людьми, все русские жили на окраинах, отделенных от эпицентра взрыва горными хребтами. Это и спасло людей. Хотя они болели, но остались живы. Все выжившие были эвакуированы и питались чистыми продуктами и пили чистую воду. Об их внутреннем облучении и об особенностях поведения в зоне заражения в случае хиросимской бомбардировки говорить не приходится.

В результате всех крупнейших мировых радиационных катастроф только население поймы р. Теча было вынуждено оставаться на загрязненных территориях, пить зараженную воду и питаться «грязными» продуктами. Вот почему сегодня идет речь об особенностях его проживания в зоне повышенной радиации и уделяется столь значительное внимание фактору внутреннего облучения человеческого организма в условиях радиационного заражения. И в работе речь идет о тех мерах, которые способны снизить радиационные и радиологические последствия заражения р. Теча.

Благодарю всех, кто проявил внимание к моему диссертационному исследованию. Прежде всего, я хотела бы поблагодарить за глубокий и детальный анализ моей работы всех своих оппонентов и участников дискуссии. Большое спасибо членам Диссертационного совета, которые приняли участие в его работе. Особо хотелось бы отметить поддержку сотрудников ЦИМО и всех тех сотрудников Института, в частности, из сектора этноэкологии, которые никогда не отказывали в совете или консультации. Еще раз спасибо всем, кто принял идею моего исследования и поддержал меня в работе.

П.И. Пучков: Для проведения тайного голосования необходимо избрать счетную комиссию. В ее состав предлагают д. и. н. М.Н. Губогло, д. и. н. М.С. Кашуба, д. и. н. М.Ю. Мартынова.

Есть ли возражения против предложенного состава счетной комиссии?

(Ответ: нет.)

Состав счетной комиссии утверждается.

(Проводится тайное голосование и подсчет голосов.)

П.И. Пучков: Слово предоставляется председателю счетной комиссии М.Ю. Мартыновой.

(Зачитывается протокол счетной комиссии о результатах голосования, который единогласно утверждается.)

П.И. Пучков: На основании материалов защиты и результатов тайного голосования (за – 19, против — 2, недействительных бюллетеней — 1) диссертационный совет Д.002.117.01 ходатайствует о присуждении Комаровой Галине Александровне ученой степени доктора исторических наук.

Мы должны открытым голосованием принять заключение по заслушанной диссертации. Членам совета роздан его проект. Есть ли у членов совета замечания к нему?

(Члены совета обсуждают проект заключения и вносят в него редакционные поправки.)

П.И. Пучков: Кто за данный проект заключения с поправками, прошу голосовать.

(Проводится голосование. Заключение принимается единогласно.)

Поздравляю Галину Александровну Комарову с успешной защитой!

Председатель

Диссертационного совета

д. и. н. В.А. Тишков

Ученый секретарь

Диссертационного совета

д. и. н. А.Е. Тер-Саркисянц

Литература

Комарова Г. А. К вопросу об обычаях и обрядах, связанных с рождением и воспитанием ребенка в абазинской семье // IX Всесоюзная студенческая конференция. Ленинград, 4–7 мая. Краткие тезисы докладов. Л.: ЛГУ, 1972.

Комарова Г. А. Неславянская топонимия Кокшеньги // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры / отв. ред. Л.М. Дробижева, И.И. Крупник, С.Б. Рождественская, В.Г. Сергеева. М.: ИЭ АН СССР, 1977. С. 31–43.

- Комарова Г. А.* Трансформация свадебного обряда Кокшеньги в советское время // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах / отв. ред. Г.А. Аксянова, И.И. Крупник, О.Б. Наумова. М.: ИЭ АН СССР, 1979. С. 65–76.
- Комарова Г. А.* О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке // Изучение преемственности этнокультурных явлений / отв. ред. И.И. Крупник. М.: ИЭ АН СССР, 1980. С. 203–212.
- Комарова Г. А.* Об особенностях этнокультурных ориентаций мужчин и женщин // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа / Чебоксары: Чуваш. НИИ ЯЛИЭ, 1985. С. 140–149.
- Комарова Г. А.* Как делить обязанности // Советская Чувашия, 27 декабря 1987а.
- Комарова Г. А.* Женщина и мужчина: отношение к традиционной культуре: (На материалах Чуваш. АССР) // Расы и народы. М., 1987б. № 17. С. 123–139.
- Комарова Г. А.* Этнические установки при выборе брачного партнера (по материалам Службы брачных объявлений в Уфе и Чебоксарах) // Советская этнография. 1987в. № 3. С. 80–90.
- Комарова Г. А.* Об использовании этнографических знаний в деятельности Службы знакомств // Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний / отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: ИЭ АН СССР, Омск. гос. ун-т, 1987 г.
- Комарова Г. А.* Современная чувашская женщина в семье и в обществе. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 1988а.
- Комарова Г. А.* Фактор пола в современных этнокультурных процессах // Чуваши: современные этнокультурные процессы / отв. ред. В.В. Пименов. М.: Наука, 1988б. С. 32–47.
- Комарова Г. А.* Служба ... Афродиты // Правда, 1988в. № 217.
- Комарова Г. А.* Об отношении современных чувашей к межнациональным бракам (по данным Службы брачных объявлений Чебоксар) // Вопросы истории и этнографии города. Чебоксары: Чуваш. НИИ ЯЛИЭ, 1988 г. С. 87–94.
- Комарова Г. А.* Нет «женских» проблем без «мужских» // Советская этнография. 1990. № 6. С. 73–75.
- Комарова Г. А.* Проблема сочетания общественно-производственных и семейно-бытовых обязанностей сельскими марийскими женщинами // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991а, вып. 18. С. 73–91.
- Комарова Г. А.* Труд и быт сельских женщин // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991б, вып. 18. С. 125–147.
- Комарова Г. А.* (ред.) Хроника межнациональных конфликтов в России. 1991 год. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994а.

- Комарова Г. А.* (ред.) Эстония: контуры этнополитической эволюции. 1988–1993 гг. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1–2. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994б.
- Комарова Г. А.* Калмыкия: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы / отв. ред. Э.-Б.М. Гучинова, Г.А. Комарова. Т. 1. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1995.
- Комарова Г. А.* (ред.) Хроника жизни национальностей в СССР. 1990 год. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1996а.
- Комарова Г. А.* Калмыкия: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы / отв. ред. Э.-Б.М. Гучинова, Г.А. Комарова. Т. 2. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1996б.
- Комарова Г. А.* (ред.) Хроника жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1997.
- Комарова Г. А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 122. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Комарова Г. А.* ПредТеча Чернобыля: этнокультурные аспекты экологической катастрофы на реке Теча. М.: ИЭА РАН, 2002а.
- Комарова Г. А.* Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала). Дис. док. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 2002б.
- Комарова Г. А.* Русский Бостон. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 2002в.
- Комарова Г. А.* «Уважение к респондентам — важнейшая заповедь исследователя ...» (Интервью с Е.И. Филипповой и М. Ларюэль) // Этнографическое обозрение. 2007а. № 2. С. 120–131.
- Комарова Г. А.* Женский портрет в научном интерьере // Антропологический форум Online. 2007б. № 7. С. 312–326.
- Комарова Г. А.* Рец. на: Тишков В. А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008. 175 с., ил. // Этнографическое обозрение. 2008а. № 6. С. 181–187.
- Комарова Г. А.* Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008б. С. 5–25.
- Комарова Г. А.* Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. Т. II. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Комарова Г. А.* «Антрополог — это очевидец» // Антропологический форум Online. 2011а. № 14. С. 235–268.
- Комарова Г. А.* О самой лучшей «награде» антропологической работы // Антропологический форум Online. 2011б. № 15. С. 448–474.

Комарова Г. А. Новация, обреченная стать традицией // Антропология академической жизни: традиции и инновации. Т. III / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 5–17.

Комарова Г. А. Взгляд в прошлое как движение в будущее // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016а. С. 17–30.

Комарова Г. А. Умение говорить с «чужими» о своем: бинарное интервью с Э. Голуб и Е. Холлер // 2016б. Архив автора.

Комарова Г. А. Русский мир в меняющемся мире / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018.

Komarova G. A. Movement of people in the former USSR // Coming young and developing the significance of refugees, migrants and returnees. Geneva, 1992.

Komarova G. A. A problem of forced migrants in USSR // Refugees Governmental Policy and International Aspects. Geneva, 1993.

Research article

Shnirel'man V.A. Galina Aleksandrovna Komarova: zhizn' i sud'ba. *Anthropologies*, 2026, no 1, pp. 122–154, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/122-154>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Shnirel'man V.A. | shnirv@mail.ru | <https://orcid.org/0000-0001-8469-6583> |

Senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

Galina Aleksandrovna Komarova worked at the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences — the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences for about 45 years, first in the Baltic and Volga region sector, then at the Center for the Study of Interethnic Relations. Starting with the study of children's issues and the status of women in Chuvashia, then in the critical years she did a lot of studies of interethnic relations and migration processes in the republics of Russia and in the new post-Soviet states (in the Baltic countries and the South Caucasus), after which she conducted unique pioneering studies of the ethnocultural consequences of a man-made (radiation) catastrophe in the South Urals. Having been abroad (in the USA, Japan, Israel, Austria and Finland), she became a recognized connoisseur of the culture and life of Soviet/Russian emigrants. Then she enriched domestic science with such a new direction as the anthropology of academic life. In addition, she attached great importance to interdisciplinary research. In the appendix to the article, a transcript of the defense of the doctoral dissertation by G.A. Komarova «Ethnocultural aspects of a man-made disaster (based on materials from a survey of the population of the South Urals),» held at the IEA RAS on January 14, 2003 (from the author's personal archive).

Keywords: Komarova G. A., ethnography, gender, man-made disaster, emigration, anthropology of academic life

References

- Komarova, G.A. 1972. K voprosu ob obychaiakh i obriadakh, sviazannykh s rozhdeniem i vospitaniem rebenka v abazinskoj sem'e [On the birth and upbringing practices and rituals in the Abaza families]. In *IX Vsesoiuznaia studencheskaia konferentsiia. Leningrad, 4–7 maia. Kratkie tezisy dokladov*. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet.
- Komarova, G.A. 1977. Neslavianskaia toponimiia Kokshen'gi [Non-Slavonic toponyms of the Kokshen'ga region]. In *Nekotorye voprosy izucheniia etnicheskikh aspektov kul'tury*, edited by L.M. Drobizheva, I.I. Krupnik, S.B. Rozhdestvenskaia, V.G. Sergeeva, 31–43. Moscow: Institut etnologii Akademii nauk SSSR.
- Komarova, G.A. 1979. Transformatsiia svadebnogo obriada Kokshen'gi v sovetskoe vremia [Transformation of the Kokshen'ga wedding rite in the Soviet period]. In *Etnokul'turnye protsessy v sovremennykh i traditsionnykh obshchestvakh*, edited by G.A. Aksianova, I.I. Krupnik, O.B. Naumova, 65–76. Moscow: Institut etnologii Akademii nauk SSSR.
- Komarova, G.A. 1980. O poniatii «etnopedagogika» v sovetskoi etnograficheskoi i pedagogicheskoi nauke [On the term «ethnopedagogy» in the Soviet ethnographic and pedagogical studies]. In *Izuchenie preemstvennosti etnokul'turnykh yavlenii*, edited by I.I. Krupnik, 203–212. Moscow: Institut etnologii Akademii nauk SSSR.
- Komarova, G.A. 1985. Ob osobennostiakh etnokul'turnykh orientatsii muzhchin i zhenshchin [On the peculiarities of male and female ethnocultural attitudes]. In *Novye materialy po arkheologii i etnografii chuvashskogo naroda*, 140–149. Cheboksary: Chuvashskii Nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki.
- Komarova, G.A. 1987a. Kak delit' obiazannosti [How to share responsibilities?]. In *Sovetskaia Chuvashiia*, December 27.
- Komarova, G.A. 1987b. Zhenshchina i muzhchina: otnoshenie k traditsionnoi kul'ture: (Na materialakh Chuvash. ASSR) [Male and female attitudes towards traditional culture (On the materials of the Chuvash. ASSR)]. In *Rasy i narody* 17: 123–139.
- Komarova, G.A. 1987v. Etnicheskie ustanovki pri vybore brachnogo partnera (po materialam Sluzhby brachnykh ob»iavlennii v Ufe i Cheboksarakh) [Ethnic attitudes in mating behavior (based on materials from the Marriage Announcement Service in Ufa and Cheboksary)]. In *Sovetskaia etnografiia* 3: 80–90.
- Komarova, G.A. 1987g. Ob ispol'zovanii etnograficheskikh znanii v deiatel'nosti Sluzhby znakomstv [On the ethnographic data usage by the Dating Service]. In *Etnograficheskaja nauka i propaganda etnograficheskikh znanii*, edited by N.A. Tomilov. Omsk: Institut etnografii Akademii nauk SSSR, Omskii gosudarstvennyi universitet.
- Komarova, G.A. 1988a. Sovremennaia chuvashskaia zhenshchina v sem'e i v obshchestve [Modern Chuvash woman in the family and in the society]. PhD diss. abstract, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

- Komarova, G.A. 1988b. Faktor pola v sovremennykh etnokul'turnykh protsessakh [Gender factor in the modern ethnocultural processes]. In *Chuvashi: sovremennye etnokul'turnye protsessy*, edited by V.V. Pimenov, 32–47. Moscow: Nauka.
- Komarova, G.A. 1988v. Sluzhba ... Afrodity [Aphroditha's... service]. In *Pravda*, no. 217.
- Komarova, G.A. 1988g. Ob otnoshenii sovremennykh chuvashei k mezhnatsional'nym brakam (po dannym Sluzhby brachnykh ob»iavlenii Cheboksar) [Modern Chuvash attitude to interethnic marriages (according to the Cheboksary Marriage Announcement Service)]. In *Voprosy istorii i etnografii goroda*, 87–94. Cheboksary: Chuvashskii Nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki.
- Komarova, G.A. 1990. Net «zhenskikh» problem bez «muzhskikh» [There are no «female» problems without «male ones»]. In *Sovetskaiia etnografiia* 6: 73–75.
- Komarova, G.A. 1991a. Problema sochetaniia obshchestvenno-proizvodstvennykh i semeinobytovykh obiazannosti sel'skimi mariiskimi zhenshchinami [On the combination of social-productive and everyday family life responsibilities by the rural Mari women]. *Sovremennye etnokul'turnye protsessy v mariiskom sele. Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia* 18: 73–91. Ioshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii.
- Komarova, G.A. 1991b. Trud i byt sel'skikh zhenshchin [Rural women's labour and everyday life]. *Sovremennye etnokul'turnye protsessy v mariiskom sele. Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia* 18: 125–147. Ioshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii.
- Komarova, G.A., ed. 1994a. *Khronika mezhnatsional'nykh konfliktov v Rossii. 1991 god* [Chronicle of interethnic conflicts in Russia. 1991]. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A., ed. 1994b. *Estoniia: kontury etnopoliticheskoi evoliutsii. 1988–1993 gg. Ocherki. Dokumenty. Materialy* [Estonia: contours of ethno-political evolution. 1988–1993. Essays. Documents. Materials]. Vol. 1–2. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A. 1995. *Kalmykii: etnopoliticheskaiia panorama. Ocherki. Dokumenty. Materialy* [Kalmykia: ethno-political panorama. Essays. Documents. Materials]. Edited by E.-B.M. Guchinova, G.A. Komarova. Vol. 1. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A., ed. 1996a. *Khronika zhizni natsional'nostei v SSSR. 1990 god* [Chronicle of the nationalities' life in the USSR. 1990]. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A. 1996b. *Kalmykii: etnopoliticheskaiia panorama. Ocherki. Dokumenty. Materialy* [Kalmykia: ethno-political panorama. Essays. Documents. Materials]. Edited by E.-B.M. Guchinova, G.A. Komarova. Vol. 2. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A., ed. 1997. *Khronika zhizni natsional'nostei nakanune raspada SSSR.*

- 1989 god [Chronicle of the nationalities' life on the eve of the USSR disintegration. 1989]. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A., ed. 1999. Liudi i radiatsiia: etnokul'turnye aspekty ekologicheskogo bedstviia na Iuzhnom Urale [People and radiation: ethnocultural aspects of the ecological disaster in the South Urals]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 122. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A. 2002a. *PredTecha Chernobyliia: etnokul'turnye aspekty ekologicheskoi katastrofy na reke Techa* [PreTecha Chernobyl: ethnocultural aspects of the ecological disaster on the Techa River]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova G.A. 2002b. Etnokul'turnye aspekty tekhnogennoi katastrofy (na materialakh obsledovaniia naseleniia Iuzhnogo Urala) [Ethnocultural aspects of the man-made disaster (based on the survey of the South Urals inhabitants)]. PhD diss., Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
- Komarova, G.A. 2002v. *Russkii Boston* [Russian Boston]. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A. 2007a. «Uvazhenie k respondentam — vazhneishaia zapoved' issledovatel'ia ...» (Interv'iu s E.I. Filippovoi i M. Laruelle) [«A respect for respondents is the most important commandment of the researcher...»] (Interview with E.I. Filippova and M. Laruelle). In *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 120–131.
- Komarova, G.A. 2007b. Zhenskii portret v nauchnom inter'ere [Female portrait in a scientific interior]. In *Antropologicheskii forum Online* 7: 312–326.
- Komarova, G.A. 2008a. Review of *Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami*, by V.A. Tishkov. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 181–187.
- Komarova, G.A. 2008b. Antropologiiia akademicheskoi zhizni v postsovet'skom kontekste [Anthropology of academic life in the post-Soviet context]. *Antropologiiia akademicheskoi zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii*, edited by G.A. Komarova, 5–25. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A., ed. 2010. *Antropologiiia akademicheskoi zhizni: mezhdistsiplinarnye issledovaniia* [Anthropology of Academic Life: Interdisciplinary Studies]. Vol. II. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarova, G.A. 2011a. «Antropolog — eto ochevidets» [«Anthropologist is an eyewitness»]. In *Antropologicheskii forum Online* 14: 235–268.
- Komarova, G.A. 2011b. O samoi luchshei «nagrade» antropologicheskoi raboty [On the best «award» for an anthropological work]. In *Antropologicheskii forum Online* 15: 448–474.
- Komarova, G.A. 2013. Novatsiia, obrechennaia stat' traditsiei [An innovation which

is doomed to become a tradition]. In *Antropologiya akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii*, edited by G.A. Komarova, 5–17. Vol. III. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 2016a. Vzgljad v proshloe kak dvizhenie v budushchee [Looking to the past as a movement to the future]. *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoi etnologii*, edited by G.A. Komarova, 17–30. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 2016b. Umenie govorit' s «chuzhimi» o svoem: binarnoe interv'iu s E. Golub i E. Holler [An ability to speak with «strangers» about one's own matters: a binary interview with E. Golub and E. Holler]. Author's archive.

Komarova, G.A., ed. 2018. *Russkii mir v meniaiushchemsia mire* [The Russian world in a changing world]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 1992. Movement of people in the former USSR. *Coming young and developing the significance of refugees, migrants and returnees*. Geneva.

Komarova, G.A. 1993. A problem of forced migrants in USSR. *Refugees Governmental Policy and International Aspects*. Geneva.

